

А. Ю. Согомонов

**СОВЕТСКИЙ ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК: ОПЫТ
СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА НА РУБЕЖЕ 90-х
(Отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Изд-во «Мировой
океан», 1993. - 300 с.)**

Независимо от того, был ли «советский человек» реальностью либо беспрецедентным мифотворческим экспериментом, именно он таил в себе самую серьезную угрозу для основы основ советской идеологии - материалистического мировоззрения. Этот феномен заключал в себе амбивалентность: факт общественной жизни, он как бы не был дан в ощущениях. При всем при этом, будучи совершеннейшим абсурдом в социально-антропологическом смысле, «человек советский» и его жизненный путь составляют квинтэссенцию нашей культурной истории как в тоталитарный, так и в постсоциалистический период. Используя известную метафору, можно утверждать, что ключ к анатомии социалистического общества сокрыт в анатомии «простого советского человека».

О советском человеке написаны десятки книг. Теоретический портрет советского человека, выполненный в официозной отечественной литературе, скорее тяготеет к утопическому нормативизму, оставшемуся так и не реализованной советско-бюрократической антиутопией. Образцом жанра является продукт брежневской идеологии — монография Г.Л. Смирнова «Советский человек», опубликованная в 1971 г. Западные же концепции Homo Sovieticus, как, впрочем, и большинство советологических и диссидентских сочинений, страдали избыточным реализмом, гипертрофированным констатированием свершившегося антропологического «чуда» марксистско-большевистской селекции. Лишь сейчас, *post factum* мы понимаем, что «портрет» так и не удался.

Исследование «советского человека» представляет собой исключительно сложную методологическую проблему. Этот социокультурный феномен не систематизируется и не классифицируется на не адекватных логике его социальной репрезентации принципах. «Советский человек» — это канон интегративного типа советской культуры, с формально-логической точки зрения приближающийся к любому модернистскому канону (например, к типу «среднего американца»), хотя в равной мере и удаляющийся от него, поскольку «простой советский человек» совершенно не то же самое, что «средний» советский человек. Возможна ли вообще в таком случае интегральная (не коллажная, не экспрессионистическая и не усредненная концепция) «советского человека»? Теоретически, да. Вопрос заключается в том, будет ли она отражать то, что в действительности являет собой (и поныне представляет) «простой советский человек». Любое продвижение в поиске интегральной концепции самоценно и самодостаточно, хотя вряд ли в водовороте нынешней социологической публицистики можно ожидать появления законченного портрета. На этом фоне книга «Советский простой человек» — лучшее, что было достигнуто российской социологией за последние годы. Сам факт появления книги (почти одновременно на русском и иностранных языках) не был сюрпризом. Российскому социологическому сообществу было известно, что группа социологов из Всероссийского центра изучения общественного мнения во главе с Ю.А. Левадой в течение нескольких лет работает над этой темой. В основе книги — крупномасштабное исследование «Советский человек», проведенное ВЦИОМом по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г. К анализу привлекались и материалы других обследований за 1988-1992 гг. Основной вопрос, который приходилось решать социологу — определение системы «измерений» объекта, причем не обязательно, чтобы «измерения» были заданы формально. Ю.А. Левада и его коллеги, вероятно, не стремились осуществить всеохватывающий, систематический социологический анализ феномена «советский человек». Тема разворачивается преимущественно вокруг эмпирических данных. Однако

дело не сводится к изложению цифр. Кажется, что авторы порой задыхаются от вынужденности «игры» в эмпирический бисер. Отсюда — выраженное стремление к эссеизму.

Композиция книги являет собой образец неклассического жанра рефлексии по поводу эмпирических данных: рабочие гипотезы чаще выглядят рабочими аксиомами, вполне эвристичными и социологически самодостаточными. Словом, эмпирические показатели, как правило, подтверждают теоретические представления о «простом советском человеке». Это находит выражение в концептуальной схеме исследований и в «специфике наборов, различающихся интенсивностью проявления, а также вариантами сочинения нормативно-заданных характеристик «советской» принадлежности» (с. 13).

Какие черты рассматриваются авторами в качестве основных характеристик «советского человека»?

Представление о собственной исключительности: «советский человек» — это особый человек. Он воспринимает себя как носителя исключительных ценностей, «своей системы социальных мер и весов... вплоть до эстетических, этических и гносеологических категорий («свои» критерии истины и красоты) и т. д.» (с. 14).

Государственно-патерналистская ориентация, при которой нормативное социальное чувство вовлеченности в государственное «дело» сопряжено с обратными ожиданиями «отеческой» заботы со стороны государства о подданных.

Сочетание внутренней установки на иерархичность миропорядка с выраженной экспрессией эгалитаризма — антиномия, именованная авторами «иерархическим эгалитаризмом». «Советского человека» отличают «сознательность» (т.е. готовность принять существующий порядок и режим) и справедливо-практический эгалитаризм, отвергающий лишь то неравенство, которое не соответствует принятой иерархии, например, «незаслуженные» привилегии и «нетрудовые» доходы.

Наконец, *имперский характер* этого социального типа, построенный, по наблюдениям авторов, в той же антиномической модальности: национальное versus ненациональное (транс-, без-, интер-).

«Все перечисленные характеристики скорее говорят о принадлежности человека определенной системе ограничений, чем о его действиях, — резюмируют, исследователи. Отличительные черты советского человека — его принадлежность социальной системе, режиму, его способность принять систему, — но не его активность» (с. 24).

Стержень концепции «советского человека» — его универсальная простота. Это и ориентация на всеобщее усреднение (требования «быть, как все»), и противопоставление себя элитарности, как, впрочем, и всякому уклонизму, и открытость для понимания со стороны себе подобных, и «простая» забота о выживании, и привычка довольствоваться малыми радостями. А для такого социального характера достаточно и «простого» государственного контроля и управления: между «простым» человеком и «простой» властью как бы исчезает опосредующее звено: социально-групповые идентификации. И поэтому вовсе не неожиданно звучит парадоксальный тезис: «В свое время принято было говорить о «коллективности» человека советского. Этой черты мы попросту не обнаружили. Между тоталитарным государством и одиноким индивидом не занимали сколько-нибудь важных позиций никакие социально-психологические общности, связанные с профессией, занятием, интересами и т. д.» (с. 26).

Важнейшей же особенностью «советского человека», как своеобразного символического кода, является принципиальная невозможность осуществления, скажем, витализации всего набора его нормативных установок. А отсюда — двойной стандарт поведенческого образца (например, принятие высших ценностей выступает необходимым условием ценностей частных: «одни делают вид, что работают, другие — что им за работу платят» и т. п.) В результате практически каждый устанавливал «делку с дьяволом», стремясь сохранить себя. Эти сделки, губительные для личности, разрушали нравственные критерии общественных отношений, в конечном счете размывали само общество. Поэтому «мы и можем рассматривать феномен человека советского в его социологических параметрах — как феномен исторически переходящий», — отмечается в книге (с. 32).

Выстроив вопросник в соответствии со своей теоретической схемой,

авторы создают портрет среднестатистического «советского человека» (всего опрошено около 2700 человек). Детально рассматриваются декларируемые и латентные составляющие культурно-символического кода «советский человек». В пределах Небольшой рецензии вряд ли возможно рассказать обо всех примечательных наблюдениях и выводах, к которым пришли авторы в ходе своего исследования. Хотелось бы обратить внимание на один из центральных сюжетов. Исходя из традиционного понимания механизмов социальной солидарности, заключающихся в максимальном стимулировании достижений индивида и суммировании личных достижений в рамках общественного целого (в результате культивация личного успеха ведет не к аномической дезинтеграции и разрушению социального порядка, а, напротив, стабилизирует общество как динамическую систему), авторы книги утверждают: «принципиально иная картина — в советском обществе».

Прежде всего, обнаруживается, что «советский человек» отказывается от достижений: большинство опрошенных, действительно, не видят ничего привлекательного в повышении собственной активности (более 3/5 удовлетворены нынешним статусом). Не менее сдержанно отнеслись они и к инициативе других. С точки зрения статусных самооценок незначительным оказался слой «выше среднего», а «средний» сдвинут больше к «низкому». В то же время «советский человек» продолжает оставаться человеком неудовлетворенным. Совокупный эффект этих двух характеристик — склонность «советского человека» к оценкам чужого индивидуального успеха как «неправедного». Авторы пытаются проинтерпретировать парадоксальную (в категориях западного миропонимания) социальную природу «советского человека» через специфику властных отношений, господствовавших в советском обществе (общество как «государева вотчина»), и особый ролевой статус человека как «государственного жителя» (метафора А. Платонова).

Человек советский, таким образом, выступает, с одной стороны, носителем определенных функциональных качеств и свойств, а с другой — субъектов лояльности по отношению ко всему иерархическому пространству власти. Иными словами, «начальник» приобретает статус начальника прежде всего в силу своего лояльного отношения к высшим инстанциям. Так проявляется приоритет лояльности перед собственно деловыми качествами — компетентностью и профессионализмом.

Отсюда следует исключительно важный теоретический вывод: «Поскольку государственная (идеологическая и партийная) лояльность не включает в себя достижительских критериев эффективности, инструментальной рациональности, а производственное достижение не гарантирует социального статуса и в строгом смысле вообще не связано с адекватным вознаграждением и социальным продвижением, то внутри самой системы советского общества (равно как и в устройстве советского человека) заложено неустранимое противоречие. Невозможно заставить работать индивида без реального вознаграждения, а вознаграждать его невозможно, не признавая значимости индивидуального достижения, способностей, компетентности и не увеличивая тем самым авторитета работника. А это, по условиям монополии на власть, невозможно без разрушения самой власти. Поэтому понятно, что в советской действительности имеют место не фактическая лояльность, но и не фактическое исполнение той или иной функции в организации любого типа, а их разыгрывание, демонстративное внешнее исполнение. Причем эта демонстрация — что очень важно — взаимная: она идет и «сверху» и «снизу», идет согласованно, так что на этом согласии покоится все социальное целое советской системы» (с. 75).

Развивая этот, безусловно, принципиальный момент авторской концептуальной схемы, нетрудно изменить залог времени заключительной фразы: на такого рода «согласии» продолжает покоиться все социальное целое постсоветской системы. Изменились (частично) ее символические границы, но не свершилось раскодирование «советского человека». Дезорганизация общества привела лишь к зримой диверсификации властных иерархий, антропологические; принципы построения которых также существенно не изменились, даже в «частном» секторе воссоздается все тот же символический код. Иными словами распад тоталитарной системы как-то слабо коррелирует с культурно-антропологическими основаниями, на которых выстраиваются социальная и институциональная структуры постсоветского общества.

В этой связи авторы книги склоняются к заключениям в духе теории культурного лага. В частности, они полагают, что «человек постсоветского общества надолго останется «советским» и будет находить подходящие условия для своего существования в тени распределительной экономики и номенклатурной системы циркуляции кадров» (с. 265), хотя в то же самое время «совокупность нормативных характеристик, объединенных в директивном образе «советского человека», сдвигается к социальной (в данном случае возрастном но и образовательной, сельской и т.п.) периферии» (с. 262).

Вдумчивое знакомство с рецензируемой книгой, как кажется, несколько поубавило бы романтизма в обновленческих настроениях «младороссийской» интеллигенции. А вот большинству нынешних политиков эта книга (хотя она и основана на опыте почившего Советского Союза) попросту противопоказана, именно как блестящее «руководство к действиям». В любом случае работа Ю.А. Левады и его коллег по ВЦИОМу будет с исключительным интересом воспринята профессиональным сообществом социологов как одно из крупных достижений российской общественной науки.